

В ЛЮДЯХ военных лет меня почти всегда удивляло несоответствие, особенно на фотографиях, внешнего вида и сурового назначения бойцов, оказавшихся в мирное время писателями, кинематографистами, актерами...

Вспоминается безусый Есенин, солдат санитарного поезда, в грубой шинели, с бездонной голубкой глаз, хотя цветных фотографий в те времена не делали... Шла офицерская форма Кармену, Симонову... Нелеп был в ней Шолохов, фартов Виктор Некрасов, наверно, и Тросман...

Представить себя танкистом актера Николая Саламова я не мог и не могу по сей день. Ювелир? — Да. Возможно, детский врач, гоголевский конторщик или тень, сошедшая с росписи Нузальской часовни, но только не танкист. Тем более, дерзким до бесстрашия, расчетливым и сорви-головой в ситуациях, полных драматизма и непредсказуемости...

Об этом потом. А пока мы сидим в гримерной театра и он с заметным наслаждением рассказывает мне, автору сценария будущей короткометражки о нем, эпизоды жизни, замешанные на десятках жизней близких, знакомых и случайных в его судьбе людей... Профессиональная память актера и драматурга высвечивает все уголки бесконечной сцены, где «все мы актеры»... Детали, нюансы, вплоть до запаха и цветовых гамм в каждой его фразе, блоке, массиве воспоминаний. Рассказ льется свободно... порой мысль цепляет что-то из глубин, предшествующих ей, начинает скакать, метаться, и в этом хаосе незаметно для меня самого выстраивается, кристаллизуется, обретает дух и плоть «мир Саламова» — чувства и мысли, события и факты, нагромождаясь, делают этот мир неповторимым, близким.

«Я родился в Ардоне в 1922 году. У меня — две сестры и два брата. Родители были простые и не простые крестьяне... Отец жив и сейчас. Ему сто лет. Мама дожила до восьмидесяти пяти. Ареш — имя ей офицерский дал. В ряду домов Саламовых наш был самым никудышным. У отца был брат Мицала. Некий Гайтов, благодетель, в Майкопе на железнодорожной станции устроил его подметалой. Потом, мол, может, устрою кондуктором. Собрал денюжку на лошадь. Купили паровую мельницу. Два брата отстроили два кирпичных дома. Зажили. Это в нп. Старшим говорят: «Кончайте — таких сейчас расстреливают». Расстрелять не расстреляли, дом не отобрали, но новый сарай по кирпичику разобрали себе соседи — раскулачили... вот так... Отец тяжело это пережил. Вступил в колхоз. Как-то приходит и говорит: «Зерна много, одежды — нет». И завершил: «Здесь мы останемся с голым задом»... Чем он только ни занимался... Тянул в селе радио... Был у него порок или нажил его, — врачи рекомендовали больше ходить. Кто ходит больше пастуха или почтальона? Разносил письма. Говорил: «Влюбленные так часто пишут, что я не успеваю разносить»...

Семилетним Коля Саламов стал школяром, а в четвертом классе написал пьесу. Комедию. Где-то в начале тридцатых начал писать стихи. А в тридцать шестом в Ардон приехал театр. Человек благодарный, добрым словом он поминает Михаила Хосроева, который «если покупал книгу себе, то покупал и мне», поэта Сарана Чехоева — он подарил юноше томик Пушкина. А юноша

был — любопытный. Его сельские «университеты» были скуны и провинциально ограничены, он сам жадно впитывал в себя все, что несло в себе магию искусства, будь это Татаркан Дзгоев, здорово подражающий Чаплину, или радиопостановка под жареный треск довоенной «картонки»...

Театром заразил какой-то парень... Театр в села Осетии наезжал неделями, и первое неизгладимое впечатление от сцены — роль пастуха Буца из «Двух сестер» в исполнении Мисоста Купева... Попасть в театральное

страшию выхода на сцену без тяжелых сомнений в полноценности, самодостаточности после ада войны, ран и опыта, который не только формирует, но и деформирует, разрушает, сводит на нет то, что с любовью и старанием строилось вчера... В театр — ни шагу. И какой я герой-любовник? И, вообще, ничего не получится! — таков был вывод, без рисовки, но с горечью. К счастью, вывод временный, — если Бог дал, сатана сомнений — бессилена...

Когда актера хвалят, перечисляют массу его достоинств,

способностей прочтения тончайших нитей в замысле автора, счастливая способность ощутить пласты родственных и далеких культур и во времени, и в пространстве... И тем не менее, Саламов в ряду, пусть блистательном, других актеров стоит особняком. На мой взгляд, потому, что тандем «комедия — драма — трагедия» у него не единство противоположностей, а единый монолог с мощной проникающей диффузией одного в другое, ибо содержание жанров зависит от взгляда на них, от духовного ра-

гих ни всенародной славой, ни аскезой затворника, ибо в личной жизни он не терпит ни шума, ни суеты...

Вспоминая свое возвращение с фронта, он говорит: «Наша собака, Лютик, почувала меня за километры и с лаем бежала, путаясь под ногами, со мной до дома. Мама в сердцах спросила «Коля, это ты?», сестра отпа, Люба, чуть не сошла с ума от радости, а отец только и сказал: «Вернулся?»...

«Я, с некоторыми оговорками, сталинист!», — заявил мне Саламов. Потом, после длинной тирады, где он обосновывал свою позицию, пришлось внести в нее свои коррективы. Суть их заключается в том, что никакой он не сталинист, просто любит порядок и власть в лучшем смысле этого слова. Люди его поколения прошли по жизни, как пропахали ее — окалины и напиль, светлое и грязь, проблемы и прорывы чередовались не рядом с ними, а в них, цементируясь в миропонимание, далекое от непраздничности наших дней... К сожалению, великие превращения нашей жизни не из тех, что составляют арсенал актера... Саламов буквально ранен на вылет и энтузиазмом первых пятилеток, дымами и гарью Великой Отечественной, атомом послевоенного строительства — простодушие и неприветливость жизни тех лет в отрыве от контекста с лагерями и пыточными может вдохновлять и сегодня, когда презентация нашей духовной и материальной нищеты стала очевидной, как лицо негодая, с которого сорвана маска добродетельного великомученика...

Есть еще один аспект — национальный. Саламов — осетин, язычник он или христианин, но золотые слитки общинно-родового уклада, намытые опытом отцов за сотни лет, для него не девальвируются ни при каких обстоятельствах! «Сармат и его сыновья» — это не сюжет, а притча, сага, корни которой прорастают из эпохи, а не сиюминутных причуд жизни, как таковой... Да и народность Саламова, как и всего коллектива осетинского театра — не жупел и не реклама, а глубинное содержание его философской концепции, созданной не одним поколением творцов... Поэтому и Шекспир, и Дюма на сцене нашего театра немножко осетины, особенно когда роль осваивается на генетическом, а не линейном горизонте... Саламов здесь неотразим, — ничего не прибавляя, он умудряется найти узлы, на которые замыкается, как замок альпинистского карабина, поднимаясь к вершинам роли или опускаясь в ее преисподнюю провидцем, а не декларатором собственных ощущений... При этом на коварный вопрос «Как ты мыслишь, порусски или по осетински?» он отвечает: «Умирая — по осетински!».

...Путь к себе — самый трудный. Потому что каждый шаг кажется сомнительным, неверным, нерезультативным... Но это только кажется. Пример — сам Саламов, не озирающийся, не оглядывающийся, а идущий к себе со смирением праведника и яростью бедуина, ослепшего в пустыне без воды, но с жаждой и верой в оазис...

Герман ГУДИЕВ.

Творческий портрет

ПУТЬ К СЕБЕ

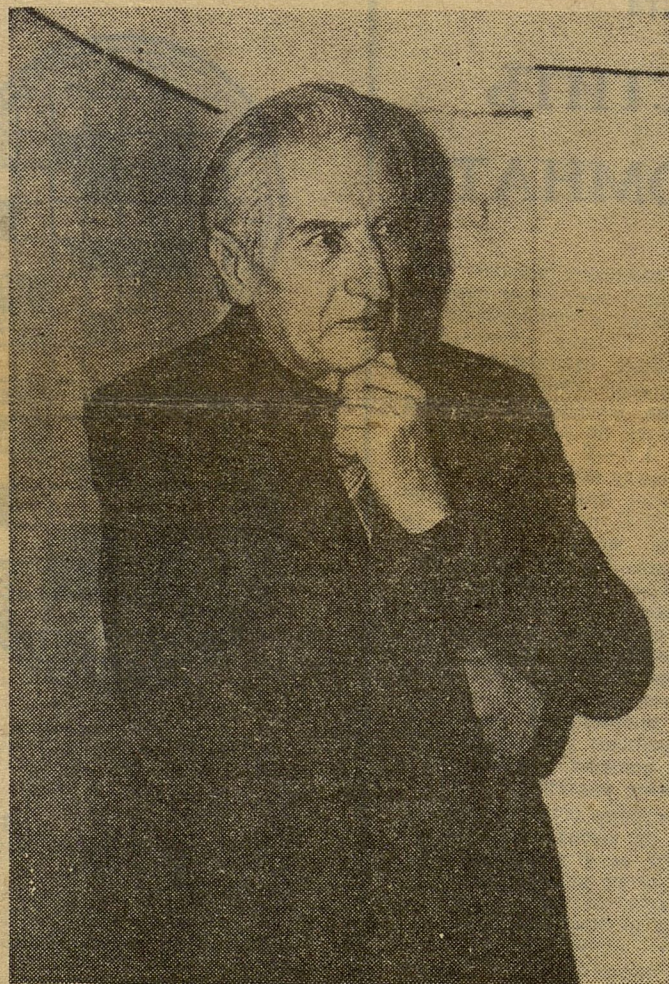
училище? — Провалился. То же самое на второй год. Дома ничего не говорил. Невезучий. Комиссия была серьезной — Макеев, Борукаев, Тотров... Настырный наставник Хосроев Михаил привел его к Борукаеву. Тот уперся — «не годится». А Михаил: «Попробуйте. Не нужна ему ни квартира, ни стипендия». Уговорил. Взяли условно с месячным испытанием. Через два месяца перевели на второй курс. Вскоре из-за нехватки людей объединили третий и четвертый курсы. В 1941 году был выпуск, и началась война...

Возможности человеческой памяти не беспредельны, но четко запомнилось, что весте о войне настигла его играющим в мяч во дворе училища. Люди у громкоговорителей. Вскоре мужчин словно сдуло... Пошел добровольцем. На нарах товарняка, худой, как жердь, актер Саламов едет в Камышинское танковое училище. Ускоренная программа. А через пять месяцев — передовая. Донской фронт. Мясорубка Сталинградского. Затяжные бои в Западной Украине, где его танк был подожжен. Танкисты скатились в воронку от снаряда. Прямое попадание мины. Смертельная рана. В горячке вскочил и получил пулю снайпера. «Это был конец — говорит Саламов, — но не поверишь, жалко было не себя, а развороченные у бедра новенькие штаны!»

На войне как на войне — чудес не бывает. Но разве не чудо — его экипаж заводит мотор горящего танка, втягивает в него командира, отходит к своим. Сознание вернулось после скоротечной операции. Второе чудо — возвращение к жизни благодаря крови землячки, крови редкой первой группы. «Мне переливают кровь, — вспоминает Саламов, — между нами — трубка. Начинается бомбежка, я лечу черт знает куда, открываю глаза, рядом — она, и между нами трубка... Вера Ревазова. Работает врачом в первой поликлинике...

В перечне чудес и дерзкий прорыв из окружения, и схватка с «тигром», и десятки операций на бедре уже после войны. Болезнь по имени «флегмона», с температурой под сорок, когда пальцем пошевелить трудно.

В перечне чудес и превращение танкиста в артиста — бесстрашие в громящем танке тождественно ли бес-

Как правило, лучшим из них бывает универсальность. Конечно же, Саламов универсал: в «Короле Лире» он играет и Эдгара (сына), и Глостера (отца). Глуповатый хитроватый сэр Эндрю из «Двенадцатой ночи», в священнике из «Ромео и Джульетты» — преобразается в мудреца кафедральной сдержанности, за которой человечность, выстраданная между Богом и мирскими страстями... Но ведь есть еще и Тартюф — не священник, а святоша! Пастух, слуга, предатель; великий Мольтер и великий в своем ничтожестве Гитлер, вызвавший, кстати, аплодисменты блестящим саламовским гротеском, в котором юмизм в оскале варварства, а это уже патология. Что и требовалось доказать. Свершилась и давняя мечта сыграть Буца из «Двух сестер», Буца, которого он видел мальчиком, а играет мужем.

Итак, универсал: налицо большой жизненный опыт,

курса. Может, поэтому юмизм его — трагичен в силу скоротечности человеческой жизни и обреченности лучших из ее начинаний... Юмор так и брызжет из Габора в «Чести отцов», но именно Габор жертвует собой во имя другого, не задумываясь о ценностном соотношении этих жизней... Говорят, Д. Темираев задавался вопросом: «Он (Саламов) — актер комедийный или трагедийный?». Ответ на этот вопрос — судьба Саламова человека, актера и драматурга, жившего много лет в гримборной театре и не нажившего за все годы никакого добра, кроме того, которое он дарит... Ответ и в неосуществленных замыслах, и в десятках пьес, лежащих мертвым грузом в ящике рабочего стола, и в ровных отношениях со всеми режиссерами, с кем приходилось ему работать. Последнее — не конформизм, не мимикрия, а открытость, распахнутость художника, не обманывающегося и не обманывающего дру-

Саламов Н.

18.04.92

30